

УДК 81.367
ББК 81.2

Л.А. Мисиева

**ЛЕКСИКО-
ГРАММАТИЧЕСКИЙ
СОСТАВ АВАРСКИХ
ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ:
ОЦЕНОЧНАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА
ЖЕНЩИН**

Впервые определены особенности лексико-грамматического состава аварских гендерных паремиологических единиц, характеризующих женщин: выявлены и интерпретированы субстантивные и глагольные оценочно-символические лексические единицы, формирующие положительные и отрицательные образы женщин; охарактеризованы коннотативные составляющие гендерно обусловленных паремиологических образов; продемонстрированы и мотивированы характерные для исследуемых паремиологических единиц противительные-уступительные смысловые отношения.

Ключевые слова: *аварский язык, паремии, женские образы, лексико-грамматические особенности, принцип алогизма, коннотации, смысловые отношения.*

DOI 10.18522/1995-0640-2020-1-53-61

Мисиева Луиза Ахмедовна – канд. филол. наук, доцент кафедры второго иностранного языка факультета иностранных языков Дагестанского государственного университета
Тел.: 8(928)872-42-22
E-mail: luizaah_83@mail.ru

Аварские паремиологические единицы, характеризующие женщин, ни в лингвистическом, ни в лингвокультурологическом аспектах специально не изучались, чем объясняется актуальность рассматриваемой в данной статье проблемы. Основной целью статьи является анализ особенностей лексического состава и морфолого-синтаксических свойств компонентов паремиологических единиц, оценочно характеризующих женщин.

Как известно, при широком понимании паремиологических единиц в их состав включаются не только пословицы и поговорки, но и загадки, суеверия, приметы, прибаутки, скороговорки и т.п. Мы придерживаемся узкого понимания паремиологических единиц (=только пословиц и поговорок), в которых реализуется функция нравовучения (=инструктивная функция) [Алефиренко, Семененко, 2009, с. 243]. При этом следует иметь в виду и дискуссионный вопрос о разграничении фразеологических и паремиологических единиц. В этом случае нам представляется более привлекательной точка зрения, согласно которой «пословицы и поговорки выходят за пределы собственно фразеологии языка» как имеющие законченную синтаксическую структуру предложения [Ожегов, 1974, с. 196]. Специфика паремий (пословиц и поговорок) состоит в том, что они имеют формы предложений [Жуков, 1991]. В отличие от паремий, фразеологизмы обладают признаком семантической слитности составляющих компонен-

тов [Ершова-Белицкая, 1968]: они несут в себе целостное лексическое значение.

В соответствии с принятой в данной статье точкой зрения паремиологический материал был собран из сборников аварских пословиц и поговорок [Алиханов, 1972; Алиханов З., Алиханов С., 2012]. Всего было рассмотрено 150 неповторяющихся аварских паремиологических единиц, оценочно характеризующих женщин. В статье использована только часть этого материала, являющаяся фрагментом аварской паремиологической картины мира. «Женские приметы» в этих паремиологических единицах фемининного характера распределяются по-разному: одни из них повторяются в разных паремиях как наиболее гендерно маркированные, другие – представлены в отдельных пословицах и поговорках. Продуктивность использования тех или иных фемининных лексических символов связана со степенью важности оцениваемых в женщине качеств. Стилистически нейтральные паремиологические единицы представлены единичными структурами. Большинство исследуемых паремий критически оценивают качества, нежелательные для женщины (несобранность, нерасторопность, лень, неаккуратность и т.д.). Для сравнения гендерно обусловленных паремиологических образов, являющихся фрагментами аварской паремиологической картины мира, привлекается соответствующий материал из других дагестанских языков – арчинского [Самедов, Магдилова, 2017], даргинского [Гасанова М., 2014], табасаранского [Гасанова У., 2014]. Сравнительно-сопоставительный анализ паремиологического материала генетически родственных дагестанских языков позволяет отметить особенности языковой репрезентации однотипных паремиологических образов, оценивающих разные качества женщины. Анализ собранного материала в соответствии с поставленной целью свидетельствует о следующем.

Лексический состав рассматриваемых паремий, прежде всего, определяется обозначением тех видов деятельности, которые актуализируются в качестве традиционно приписываемых женщине-жене, хозяйке дома. Поэтому в состав паремий включаются слова с фемининной символичностью: номинации обозначаемых реалий получили соответствующую интерпретацию в качестве гендерно-культурных знаков аварского языка. Соответственно женщина в паремиях оценивается положительно или, напротив, негативно в зависимости от того, насколько она соответствует народному идеалу, представлениям носителей аварского языка об образе женщины-горянки.

К числу таких символических лексических составляющих гендерных паремиологических единиц, характеризующих женщин, относятся следующие субстантивные языковые знаки культуры: *нах* ‘масло’, *панкъ* ‘лепешка’, *ц1ам* ‘соль’, *чед* ‘хлеб’, *хинк1ал* ‘хинкалы в виде крупных галушек’ (оценивается работа женщины на кухне); *г1ака* ‘корова’, *боц1и* ‘скот’, *бокъ* ‘сарай’ (слова с зооморфным кодом культуры, характеризующие традиционно женский вид работы, поскольку именно женщина занималась уходом за скотом и доением коров); *лым* ‘вода’ (символ жен-

ской стихии); *т1ор* 'колос', *мугь* 'зерно', *хер* 'трава', *ч1ар* 'сорняки', *хур* 'поле', *сум* 'стебель зерновых' (символизируют сельскохозяйственные работы); *квар* 'нитка', *рукъи* 'шитье; шов', *мерго* 'веретено для прядения', *к1векъмахх* 'ножницы', *рук1к1ен* 'иголка', *хъит* 'обувь', *гурде* 'платье', (слова, оценивающие способности женщины шить, вязать), *салмаг* 'палас', *т1анса* 'ковер' (обозначается процесс ковроткачества как традиционно женского ремесла).

Такие субстантивные компоненты, используемые в паремиологических единицах, рисуют тот или иной (положительный или отрицательный) портрет женщины в зависимости от степени её соответствия представляемому в языковом сознании идеалу:

Рос какулаго, рукъ кварай, г1ака какулаго, нах кварай 'Сетуя на мужа, ест [мужем] нажитое, сетуя на корову, масло ест'. *Рокъобго къул-г1аги тун, къват1уса лълым баччарай* 'Имея родник дома, с улицы воду носит'. *Хер ч1ег1ер, ч1ар халат* 'Трава [для которой] стала ненавистой (*букв.* «черной»), сорняки стали длинными' [не убираются]. *Панкъ гъабизе лъим щвеч1ей, лъелъе базе ц1ан щвеч1ей* 'Чтобы лепешки печь, воды не нашла, чтобы в воду сыпать, соли не нашла' (о никчемной женщине), *Гъаст1а кетю къарияй, бокъоб боц1и х1алакъай* 'У очага кошка [у которой] жирная, а в хлеву [у которой] скот худой'. *К1векъмаххгун барщарай, рук1к1енгун къалъарай* 'С ножницами не дружит, с иголкой в ссоре'. *Гьоболъухъ унелъул хъитал рукъарай, хъвадизе унелъул гурде букъарай* 'Обувь сшила, [только] когда в гости собралась, платье сшила, [только] когда выйти собралась'.

Глагольные составляющие рассматриваемых паремиологических единиц связаны также в основном с женскими работами, с выполнением ею обязанностей хозяйки, жены, что соответственно актуализируется глагольными языковыми средствами: *букъизе* 'шить', *беч1ч1изе* 'дотить', *гъабизе* 'делать; печь, готовить', *лъехъезе* 'подметать', (*лъим*) *баччизе* '(воду) носить', *лъылъазе* 'жать (поле)', *хинк1ал гъаризе* 'готовить хинкалы', *бессизе* 'ткать', *чуризе* 'стирать' и т.д.:

Нух бихъидал, хъит букъарай, гьобол вач1индал, рукъ лъухъарай 'Увидев дорогу, обувь сшила, гость когда пришел, дом подмела' (ср. в табасаранском: *Хябяхъ гъабшинган, габнин хпир гъялак шул* 'Когда вечер наступает, торопиться начинает'). *Бессараб т1анса сурмияй, салмаг гвангъарай* 'Сотканный ковер [у которой] красив, палас [у которой] ярок'. *Ц1улада барахщун, ц1а свине тарай* 'Пожалев дрова, огню погаснуть дала'. *Ц1илиц1 хвелебилан лъехъоларей, лъим т1аг1инибилан чердоларей*. 'Думая, что испортится веник, не подметает, думая, что кончится вода, не купается'. *Гъизараб чуруларей, чурараб ц1унуларей* 'Грязное не стирает, постиранное не бережет' (ср. в табасаранском: *Чиркин хпириз жилир кур жилир ккунду* 'Грязнуля-жена слепого мужа желает').

В лингвистической литературе при анализе фразеологических и паремиологических единиц обсуждается принцип алогизма, используемый для формирования фразеологических образов [Самедов, 2011, с.101; Солодуб, 1999, с. 59] и создания образно-оценочных компонен-

тов поэтических произведений [Максимова, 2004 с. 219; Мисиева, 2017, с. 129; Олифиренко, 2013, с. 200 – 203; Шустов, 2006, с.47]. Часть анализируемых паремииологических единиц, характеризующих женщин, как и фразеологизмы, строится на принципе алогизма. При этом осуждается и отрицательно оценивается то, что не соответствует норме поведения женщины:

Г1адада теларилан, хвараб г1ака беч1ч1арай ‘Чтобы даром не пропала, мертвую корову подоила’ (ср. в арчинском: *Бак1аттуб хи1нин акь сеттеттур* ‘Подохшей коровы мясо сварившая’). *Г1акайилан ккун, х1ама беч1ч1арай* ‘Думая, что корова, осла подоила’ (ср. в арчинском: *Но1ш бана баккули, догилит ордиттур* ‘Подумав, что лошадь, на осла севшая’). *Г1одизе ккедал – йоххарай, йоххизе ккедал – г1одарай* ‘Когда надо плакать – радуется, [а] когда надо радоваться – плачет’. *Гьуинаб кьог1льарай, кьог1аб гьуинльарай* ‘Сладкое [для которой] стало горьким, [а] горькое стало сладким’.

Осуждаются такие качества женщины, как неаккуратность, нечистоплотность, отсутствие заботы о доме, отсутствие экономности, хозяйственности и т.д. Напротив, положительно оцениваются способности женщины шить, ткать, наводить в доме порядок. В части премий, в основном отрицательно характеризующих женщин, реализуются противительно-уступительные смысловые отношения:

Рак1аль хвел гьарулей, к1алаль сагъли гьарулей ‘[Хотя] сердцем смерти желает, словами здоровья желает’ (ср. в арчинском: *Дик1ис кьан бона, мудекес дуру букану*, ‘сказав «Умереть хочу», [чтобы] выздороветь, лекарства употребляющая’. *Сах1ие жо рокъоб гьеч1ей, кьолоде жо т1ад рет1уней* ‘В доме на сах [маленькая мерка для муки, зерна] нет ничего, [а] одевается на кали [большая мерка]’ – в смысле ‘В доме пусто, а тратит густо’. *Г1орго бахъиналде лъитал рахъарай* ‘[Хотя] еще до реки не дошла, [но] обувь сняла’. *Рокъобго кьулг1аги тун, кьват1иса лълим бачарай* ‘Имея дома родник, с улицы воду носит’ (ср. в арчинском: *Нокъа аби1уттуб ч1ут бимат, лълан ац1ас о1рхъа1ттур* ‘Дома полный [воды] кувшин имея, за водой пошедшая’). *Дарай рет1аниги, херай ч1ужу1а-дан г1олохъанльиларо* ‘Хоть в шелка оденется, старая женщина не станет молодой’ (ср. в даргинском: *Жагаси х1ева чегъурли хъалли, рухъна чехъери ретх1ерар* ‘Старушка хоть и красивое платье наденет, молодой не станет’).

Реализация противительно-уступительных отношений в приведенных выше аварских паремиях поддерживается оппозиционно противопоставленными лексическими единицами: *хвел* – *сагъли* ‘смерть – здоровье’, *г1одизе* – *йоххизе* ‘плакать – радоваться’, *гьуинаб* – *кьог1аб* ‘сладкое – горькое’, *г1ака* – *х1ама* ‘корова (дойная) – осел’, *рак1* – *к1ал* ‘слова’ (букв. «рот») ‘сердце – слова’, *сах1* – *къали* ‘сах (маленькая мерка для муки/зерна) – кали (большая мерки для зерна/муки)’, *рокъоб* – *кьват1иб* ‘дома – на улице’.

В части характеризующих паремий негативно оценивается неадекватное поведение женщины, неумение слушать и слышать наставления,

советы, отсутствие ответственности. Соответственно в состав таких паремий включаются глаголы или глагольные фразеологические единицы, демонстрирующие контраст между рекомендуемым и реальным поведением женщины: *бицине* 'сказать, советовать, наставлять', *к1ал гъезе* 'болтать', *тезе* 'не слушать [совета], оставлять без внимания', *цее к1ани1изе* 'выскакивать вперед' (символизирует отсутствие женской скромности), *нуц1а къазе* 'прекратить что-либо делать' (букв. 'дверь закрыть') и т.д.

В анализируемых паремиологических единицах имеет место использование различных кодов культуры.

Радал бицараб къоркъое арай, къаси бицараб борхъие арай 'Что, советовали утром, то оставила для лягушки, что советовали днем – оставила для змей' (используются зооморфные образы). *Раг1уда х1ам1ал лъурай, х1ам1уда нуц1а къарай* 'К словам ноги пришила [=болтает много], на работу дверь закрыла [работать не любит]'. *Рекъеч1елъуб к1ал гъурай, к1вариц1елъуб бер гъурай* 'Где не следует, языком болтает, куда не нужно, глаза глядят' (использованы фразеологические образы, соотносительные с телесным кодом культуры). *Г1акълу бикъулелъул, нахъа хут1арай, хабар бикъулелъул, цее к1ани1арай* 'Ум [когда] раздавали – отстала [от других], слова [=болтовню] [когда] раздавали – вперед выскочила' (использовано контекстуальное антонимическое противопоставление *нахъа хут1изе* 'отстать; не высовываться вперед' – *цее к1ани1изе* 'высовываться' (букв. «прыгать») вперед»). *Цогърониб гъури барай, гъороб бакъ барай* 'В закромах ветер гуляет, в сарае засуха наступила' (в смысле 'Нет ни зерна в закромах, ни сена в сарае').

В морфологической и структурно-грамматической организации рассматриваемых паремиологических единиц наблюдаются некоторые особенности, не характерные для узуса. Так, например, в качестве предикатов используются причастные формы, замещающие позицию финитных форм глагола в узусе:

Рокъобго кълг1аги тун, къват1иса лълъм баччарай [прич.] 'Имея родник в доме, с улицы воду носит' (букв. 'Дома родник оставив, с улицы воду таскавшая'). *Дибирги къезавулей* [прич.], *къадиги ч1езавулей* [прич.] 'И дибира переспорит (букв. «победит»), и кадия остановит' – букв. 'И дибира побеждающая, и кадия останавливающая'; слова *дибир* и *къади* обозначают статус мусульманских священников).

В предикативной функции используются также краткие прилагательные, что не характерно для узуса (краткие прилагательные в узусе употребляются в определительной функции) и обычно используемые во фразеологизмах, представляющих собой результат редукции паремиологических единиц:

Хер ч1ег1ер [кр. прил.], *ч1ар халат* [кр. прил.] 'Трава [у которой] черная [= косить не любит], сорняки [у которой] длинные [убирать сорняки не любит]' – букв. 'Поле [для которой] черно (=не любит), сорняки [у которой] длинные (= не убирает)'. *К1ал бег1ер* [кр. прил.], *г1акълу дагъ* [кр. прил.] 'Слова острые [любит болтать], ума мало' – букв. 'Рот [у которой] остер, ум [у которой] мал'.

В первой паремиологической единице цветообозначение *ч1ег1ер(аб)* ‘черный’ употреблено в символическом переносном значении. В паремиологических и фразеологических единицах слова в переносных метафорических значениях (в том числе цветообозначения), приобретают особый символический смысл, становясь при этом культурными знаками языка [Маслова, 2004, с. 107].

В части паремий в функции усилительного отрицания (ср. в рус. *ни ...*, *ни ...*) используется необычная морфологическая адъективная повторяющаяся форма *гурей*, образованная от *гуро* ‘нет’ с классно-согласовательным «женским» показателем *-й*:

Аллагаь разияб г1амал гурей, г1адамал разияб пиша гурей ‘*Ни* угодного богу *поведения*, *ни* угодного [полезного] людям *дела*’ (букв. ‘Аллаху угодного поведения *не имеющая*, [чтобы] люди были довольны, ремесла *не имеющая*’). *Лъимер лъезе чехь гурей, чохт1о кквезе гъал гурей* ‘*Ни* *утробы* для ребенка, *ни* *кос* для головного убора’ (букв. ‘Ребенка [чтобы] положить, живота *не имеющая*, головной убор [чтобы] держался, кос *не имеющая*’ (*чохт1о* – национальный женский головной убор)).

Приведенные выше морфолого-синтаксические особенности (использование в предикативной функции кратких прилагательных, причастных форм, необычной для узуса отрицательной адъективной формы *гурей* с выделенным женским классным показателем, образованной от отрицания *гуро* ‘нет, не является’) формируют специфику паремиологических единиц в целом, в узусе такие формы не носят кодифицированного характера. Гендерная (маскулинная или фемининная) маркированность используемых в соответствующих паремиях грамматических форм обозначается показателями мужского или женского класса, что контролируется правилами классно-числового согласования.

Ещё одной особенностью характеризующих паремий является использование в постпозитивной предикативной функции экспрессивно-оценочных прилагательных, образованных от генитивных форм существительных, выполняющих обычно в ряде дагестанских языков функцию относительных прилагательных:

Кверал меседил-ай, рукъи г1арицул-ай ‘Руки [у которой] *золотые*, шитье [у которой] *серебряное* (=красивое)’. *Мерго меседил-ай, т1агъди г1арицул-ай* ‘Веретено [у которой] *золотое*, чашка для веретена [у которой] *серебряная*’.

В приведенных паремиологических образах прилагательные, образованные от названий металлов (*месед* ‘золото’, *г1арац* ‘серебро’), использованы в качестве символов красоты, изящества. Особенно в этом отношении следует отметить оценочное употребление прилагательного *г1арицулай* (‘серебряная’), выступающего в аварском и других дагестанских языках в качестве символа женской красоты.

Все отмеченное выше относительно специфики лексико-грамматического состава аварских паремиологических единиц, оценочно характеризующих женщин, позволяет сформулировать ряд выводов.

В рассматриваемых паремиологических единицах употребляются исторически получившие фемининную интерпретацию культурные знаки языка. Большинство анализируемых паремий носит образно-оценочный характер. Положительные или негативные коннотации, выражаемые данными паремиями, определяются степенью соответствия женщины представлениям носителей языка об идеальном образе женщины-горянки.

Определенную роль в формировании негативных паремиологических образов женщины играют принцип алогизма и грамматическая семантика конструкций (=противительно-уступительные смысловые отношения).

К числу грамматических особенностей можно отнести предикативное функционирование причастий и кратких прилагательных, а также использование особых адъективных грамматических форм в служебной функции.

Литература

Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Фразеология и паремиология. М.: М.: Флинта: Наука, 2009. - 344 с.

Алиханов З. Аварские пословицы и поговорки. Махачкала, 1972. 332с. (На ав. яз.).

Алиханов З., Алиханов С. Аварские пословицы и поговорки. – Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2012. 584 с. (На ав. яз.).

Гасанова М.А. Табасаранские пословицы и поговорки: лингвистический и лингвокультурологический аспекты. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2015. 196 с.

Гасанова М.А. Словарь табасаранских пословиц и поговорок. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2014. 208 с.

Гасанова У.У. Словарь даргинских пословиц и поговорок. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2014. 262 с.

Ершова-Белицкая Л.Ф. Пословицы и поговорки в их отношении к фразеологии русского языка // Вопросы изучения русского языка. Краснодар: Изд-во Краснодарского пед. ин-та, 1968.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Высшая школа, 1991.

Максимова Н.А. Противоречие как одно из выразительных средств поэтического языка // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. 18-21 марта 2004 г. Труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 219.

Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2004. 208 с.

Мисиева Л.А. Образ человека в зеркале аварских паремиологических единиц, построенных на принципе алогизма // Учен. записки Орловского гос. ун-та. 2017. № 4 (77). С. 128–132.

Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М.: Высшая школа, 1974.

Олифиренко Л.В. Конструкции с семантически несовместимыми словами в поэтической речи А.Дементьева // Вестн. Дагестанского гос. ун-та. Вып. 3. Филол. науки. Махачкала, 2013. С. 200–203.

Самедов Д.С. Образ человека в зеркале фразеологических единиц, построенных на принципе алогизма (на материале ФЕ дагестанских языков) // Вестн. Дагестанского гос. ун-та. Вып. 3. Филол. науки. Махачкала, 2011. С. 101–104.

Самедов Д.С., Магдилова Р.А. Словарь арчинских пословиц и поговорок. Махачкала, 2017. 211 с.

Солодуб Ю.Л. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объекта лингвокультурологического исследования // НДВШ. Филол. науки. 1999. № 1. С. 59.

Шустов А.Н. Горячий снег, злое добро и другие «нелепицы» // Русская речь. 2006. № 6. С. 47.

References

Alefirenko N.F., Semenenko N.N. *Frazeologiya i paremiologiya*. M., 2009. (In Russian).

Alikhanov Z. *Avarskiye poslovitsy i pogovorki*. Makhachkala, 1972. 332 p. (Na av. yaz.).

Alikhanov Z., Alikhanov S. *Avarskiye poslovitsy i pogovorki*. Makhachkala: Izdatel'skiy dom «Epokha», 2012. 584 p. (Na av. yaz.).

Gasanova M.A. *Tabasaranskiye poslovitsy i pogovorki: lingvisticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty*. Makhachkala, 2015. 196 p. (In Russian).

Gasanova M.A. *Slovar' tabasaranskikh poslovits i pogovorok*. Makhachkala, 2014. 208 p. (In Russian).

Gasanova U.U. *Slovar' darginskikh poslovits i pogovorok*. Makhachkala, 2014. 262 p. (In Russian).

Yershova-Belitskaya L.F. Poslovitsy i pogovorki v ikh otnoshenii k frazeologii russkogo yazyka. *Voprosy izucheniya russkogo yazyka*. Krasnodar: Izd-vo Krasnodarskogo ped. in-ta, 1968. (In Russian).

Zhukov V.P. *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok*. M.: Vysshaya shkola, 1991. (In Russian).

Maksimova N.A. Protivorechiye kak jedno iz vyrazitel'nykh sredstv poehticheskogo yazyka. *Russkiy yazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost'. II Mezhdunar. kongr. Issledovateley russkogo yazyka. 18-21 marta 2004 goda. Trudy i materialy*. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004. 219 p. (In Russian).

Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya*. M., 2004. 208 p. (In Russian).

Misiyeva L.A. Образ человека в зеркале аварских паремнологических единиц, построенных на принципе алогизма. *Uchen. zapiski Orlovskogo gos. un-ta*, 2017, no. 4 (77), pp. 128-132. (In Russian).

Ozhegov S.I. *Leksikologiya. Leksikografiya. Kul'tura rechi*. M., 1974. (In Russian).

Olifirenko L.V. Konstruktsii s semanticheski nesovmestimymi slovami v poehticheskoy rechi A.Dement'eva. *Vestn. Dagestanskogo gos. un-ta, vyp. 3. Filol. nauki*, Makhachkala, 2013, pp. 200-203. (In Russian).

Sametov D.S. Образ человека в зеркале фразеологических единиц, построенных на принципе алогизма (на материале ФЕ дагестанских языков). *Vestn. Dagestanskogo gos. un-ta, vyp. 3. Filol. nauki*. Makhachkala, 2011, pp. 101-104. (In Russian).

Sametov D.S., Magdilova R.A. *Slovar' archinskikh poslovits i pogovorok*. Makhachkala, 2017. 211 p. (In Russian).

Solodub Yu.L. Natsional'naya spetsifika i universal'nyye svoystva frazeologii kak ob"ekta lingvokul'turologicheskogo issledovaniya. *NDVSh. Filol. nauki*, 1999, no. 1, p. 59. (In Russian).

Shustov A.N. Goryachiy sneg, zloye dobro i drugiye «nelepitsy». *Russkaya rech'*, 2006, no. 6, pp. 47. (In Russian).

Luiza A. Misieva (Dagestan, Russian Federation)

To the Problem of the Lexical and Grammatical Composition of Avar Paremiological Units, which Characterize Women

The given article describes the features of the lexical and grammatical composition of Avar gender paremiological units characterizing women: substantive and verbal evaluative and symbolic lexical units that form positive and negative images of women are identified and interpreted; characterized by connotative components of gender-related paremiological images; the adversary-concessive semantic relations characteristic for the studied paremiological units were demonstrated; the attention is paid to the peculiarities of functioning of adjectival components in the described proverbs and sayings (participles, full and short forms of adjectives) in the predicative function; determined the role of the alogism principle, on the basis of which separate national-cultural images of women are built; characterized oppositionally (antonymously) opposed lexical units that form alogism relations; identified some unusual morphological forms with the value of a deprecated negation, used in the composition of expressive syntactic structures; the national-cultural components of some symbolic lexical components of the studied paremiological units are determined.

Key words: *Avar language, paremias, female images, lexical and grammatical features, principle of alogism, connotations, semantic relations.*

Luiza A. Misieva- Ph. D. of Philology, associate professor of the department of the second foreign language of Dagestan State University, faculty of foreign languages. Phone: 8 (928) 872-42-22, e-mail: luizaah_83@mail.ru